

DOI: 10.17976/jpps/2022.02.06

РЕГИОНАЛИЗМ В “ПОСЛАНИЯХ” ГЛАВ СУБЪЕКТОВ РФ: ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ

М.В. Назукина

НАЗУКИНА Мария Викторовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Пермь, email: nazukina@mail.ru

Назукина М.В. (2022) Регионализм в “посланиях” глав субъектов РФ: дискурсивный аспект. *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 68-82. <https://doi.org/10.17976/2022.02.06>

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00053 “Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)”, в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

Статья поступила в редакцию: 05.04.2021. Принята к публикации: 14.10.2021

Аннотация. В статье предложена система индикаторов, позволяющая анализировать регионалистский дискурс в риторике глав субъектов РФ. Первый блок системы включает представления губернаторов о разных аспектах, составляющих объективный капитал региональной специфики (историко-культурная уникальность, экономическая специфика, политические особенности, природные и географические маркеры особенностей места). Второй блок – “культурный регионализм и региональная идентичность” (представления глав о регионе как об уникальном для страны пространстве, номинирование регионального сообщества, называние конкретных брендов региона, имен “культурных героев” и др.). Третий блок – позиционирование региона во взаимоотношениях с федеральным центром. На основе анализа 62 текстов отчетных выступлений глав российских регионов за период 2018-2020 гг. показано, что в подавляющем числе случаев осмысление специфики региона ведется в плоскости историко-культурных особенностей. Географические и природные маркеры обычно используются в поле демонстрации туристического капитала региона, экономические – для характеристики потенциала территории, лидерства в различных рейтингах. Представления об идентичности как ресурсе развития места мало представлены в текстах глав регионов. Используемые концепты связаны с такими понятиями, как “земля”, “лицо”, “региональный характер”, “культурный код” региона. Были выделены три стратегии, с которыми соотносились контексты упоминания словоформы “федеральный”. Первая модель – патерналистская, при которой регион “ожидает помощи” и “благодарен за нее” федеральному центру. Вторая модель представлена партнерской речевой стратегией. В рамках нее регион в дискурсе главы выступает равноправным участником взаимодействия с федеральным центром. Третья модель – условно нейтральная, связана с отчетными данными по федеральным программам. Установлено, что в регионах, где интенсивнее всего представлены рассуждения о специфике территории, чаще выше интенсивность и дискурса региональной идентичности. В таких текстах посланий регионализм артикулируется в аспекте культурного регионализма. Политический регионализм как взаимоотношения региона с центром формализуется нейтральной повесткой.

Ключевые слова: регионализм, региональная идентичность, региональные элиты, главы российских регионов, послание, дискурс-анализ.

ВВЕДЕНИЕ

В 1990-е годы проблематика регионализма в России приобрела актуальное политическое звучание. Децентрализация управления, характерная для этого

времени, проявилась в увеличении полномочий и повышении политического статуса регионов, которые активно транслировали собственную субъектность, выступая за усиление своей автономности [Hughes 1994; Shlapentokh 1994; Solnick 1998; Söderlund, 2006; Giuliano 2006 и др.]. На ландшафте региональной политики появлялось множество регионалистских партий и движений, некоторые из них становились влиятельными политическими акторами (Свердловская область – “Преображение Урала”, Калининградская область – Балтийская республиканская партия, Приморский край – Дальневосточная республиканская партия свободы и др.). При этом регионализм проявлялся как “снизу” (активность регионалистских организаций и региональных партий), так и “сверху” (деятельность и дискурс правящей региональной элиты) [Витковская, Назукина 2021: 71]. В последнем случае губернаторы стремились артикулировать требования по отношению к центру, создавали мифологические символические конструкции, в основе которых лежала региональная идентичность [Магомедов 2000].

Начало 2000-х годов в России было отмечено противоположной тенденцией – централизацией и ослаблением региональных элит [Goode 2010; Туровский 2006; Sharafutdinova 2010; Гельман 2019; Кынев 2020 и др.]. В такой ситуации регионализм начал восприниматься в негативном контексте, зачастую выступая как синоним сепаратизма. Траектория развития регионализма сместилась в сторону исчезновения региональных политических движений.

В результате, хотя политические отношения по линии “центр – регионы” исследуются достаточно активно, в литературе чаще всего делается акцент на такие сюжеты, как строительство “вертикали власти”. Раскрывая механизмы субординации регионов по отношению к федеральному центру, исследователи анализируют практики рекрутирования губернаторов [Туровский 2009; Сироткина, Карандашова 2017; Reuter, Robertson, 2012]. Вертикаль власти, однако, отнюдь не означает унификации политического пространства. В частности, электоральные исследования убедительно свидетельствуют о достаточно высокой вариативности политических процессов в регионах России [Panov, Ross 2019; Saikkonen 2016]. По-разному ведут себя региональные элиты и с точки зрения активности в позиционировании и продвижении своих регионов в российском пространстве, в лоббировании региональных интересов, символической конкуренции за внимание со стороны центра, в культивировании мегапроектной деятельности [Назукина 2020; Sharafutdinova, Turovsky 2017].

Более того, хотя региональные элиты перестали артикулировать регионалистские требования в явной форме, это отнюдь не означает, что у них исчезли интенции к политической субъектности. Иначе говоря, регионализм на уровне элит продолжает существовать в адаптированном виде как “латентный регионализм”, и этот вопрос остается пока недостаточно изученным. В данной работе предлагается методика выявления латентных регионалистских интенций через анализ дискурса региональных элит. Ключевая идея заключается в том, что “латентный регионализм” артикулируется региональными акторами через дискурс в определенных смысловых конструкциях языка, указывая на скрытые интенции к политической субъектности. Предложенная методика протестирована на эмпирическом материале ежегодных “посланий” – официальных публичных выступлений высших должностных лиц (губернаторов) перед депутатами представительных органов власти субъектов РФ.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Регионалистский дискурс понимается одновременно как смыслы речевой актуализации идеи личности региона, языковые характеристики регионального своеобразия и самостийности, так же как активно мотивированная деятельность по достижению целей и амбиций региона, проявляющаяся в языке [Назукина 2020: 204]. В качестве теоретической базы для подобной дефиниции выступает конструктивистский подход, согласно которому территория — это не просто топологическое, но и социологическое, социально конструируемое понятие [Keating 2017]. Благодаря практикам репрезентации и воспроизводства образа “мы” и отделения от “других” в дискурсе региональных элит и других акторов, прежде всего интеллектуалов, регион предстает как территориальное сообщество. При этом, основываясь на подходе А. Пааси, говорить о регионе как о политическом образовании можно только после того, как он институционализируется. В такой модели утверждение региона в пространственной структуре и массовом сознании — основа для возникновения чувства принадлежности и отчужденности, различий между социальными группами [Zimmerbauer, Paasi 2013: 32]. Следовательно, краеугольный камень становления региона — обретение им региональной идентичности, которая является одновременно дискурсивным элементом (нарративом) и повседневной регионалистской практикой (политикой) [Paasi 2002]. Регионы здесь исследуются в контексте процессов создания институтов власти, нацеленных на сохранение и воспроизводство идентичности.

70

Таким образом, региональная идентичность выступает одним из базовых понятий, необходимых при операционализации регионалистского дискурса. На ней же базируется культурное измерение регионализма в концепции Майкла Китинга, связанного с защитой региональной самобытности “перед лицом национальной политики” [Keating 1995: 1494]. Идентичности часто используются в инструментальных целях и могут становиться защитными механизмами перед лицом нежелательного внешнего давления [Lawson 2006: 150]. Важное содержание институционализации региональной идентичности — проявления культурного регионализма [Prytherch 2006], которые связаны с брендингом территории. Территориальный брендинг понимается как процесс отражения идентичности региона в его имидже [Визгалов 2011: 42] и рассматривается как новорегионалистский тренд, влияющий на развитие регионов [Perrin 2012: 459]. Специфичность региона в разных измерениях артикулируется в речевых практиках через использование символов региональной идентичности, имен культурных героев, а также идеи брендинга территории.

Выраженная региональная идентичность — лишь одно из измерений термина “регионализм”. Регионалистские идеи также связаны с демонстрацией субъектности во взаимоотношении с центром [Панов 2020: 106]. Это измерение регионализма фиксируется через речевые стратегии позиционирования отношений “центр — регионы” в риторике глав регионов.

Для анализа был выбран такой формат текстов, как ежегодные обращения губернаторов. Их особая значимость определяется тем, что это не рядовые, а публичные и стратегические выступления, которые, как правило, тщательно готовятся, так что на них значительно меньше влияет текущий контекст. Кроме того, практика выступления с посланиями широко распространена, это позволяет провести кросс-региональный сравнительный анализ. Последняя серия посланий (конец 2018 — начало 2020 гг., до коронавирусного кризиса) состоит из

62 выступлений (исключены те случаи, когда не было публичного выступления, а обращение сводилось к формату статистического отчета о проделанной работе)¹.

Стоит отметить, что анализ президентских посланий давно уже стал неотъемлемой частью изучения политического дискурса [Hoffman, Howard 2006; Малинова 2015; Гаврилова 2017], чего нельзя сказать об исследованиях посланий глав российских регионов, которые носят единичный характер [Галактионова 2015; Габдрахманова 2021]². Тем не менее именно обращение к данным источникам может характеризовать регионалистский дискурс, продемонстрировать его динамику и основной модус осмысления специфики региона. Главная коммуникативная цель послания, как отмечает М.В. Гаврилова, это информирование аудитории: разъяснение целей и приоритетов развития страны [Гаврилова 2013: 111]. При этом важный аспект связан с интенцией к акциональности, призыву к действию по тем направлениям будущей политики, которые указаны в речи. По аналогии с общенациональным посланием ежегодная программная речь главы субъекта не только представляет собой отчетный текст, но и отражает стратегию дальнейшего развития региона и программу действий государственных органов власти всех уровней по решению стоящих социально-экономических задач. Таким образом, подобный формат используется главами регионов для формирования региональной повестки. В этом контексте использование отчетно-стратегической речи позволяет выстраивать позиционирование главы как лидера в регионе. Важным оказывается и момент ожидания “послания”: главам муниципалитетов, представителям бизнеса, общественникам нужно услышать установки на будущее.

Ежегодные выступления — это обычно отчеты и послания высшего должностного лица. Ежегодный отчет руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации является законодательно закрепленной обязанностью глав регионов с 2010 г.³ Это отражено в уставах субъектов и регламентах деятельности законодательных органов.

В ряде случаев в регионах наблюдалась практика двойного выступления главы сначала с посланием, потом с отчетом. Но тенденция такова, что главы выступают с одним базовым обращением перед легислатурой. Название “отчет” не всегда отражает содержание, во многих случаях это стратегическое выступление. Иными словами, на практике наблюдается тематический синтез жанров отчета и послания, при этом сам текст может называться по-разному (отчет, доклад, послание, выступление и др.).

Всего из 62 анализируемых текстов только 18 называются посланиями (причем 10 из них — тексты глав республик). Отличие в названиях дополняет и разница объема текстов: самое большое по объему выступление главы Ульяновской области (23 898 слов), самое маленькое — Инвестпослание главы

¹ В исследование не вошли следующие регионы: Калмыкия, Марий Эл, Забайкальский край, Краснодарский край, Ставропольский край, Астраханская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Кемеровская, Курганская, Липецкая, Магаданская, Мурманская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Сахалинская, Тверская области, Москва, Еврейская АО, Ненецкий АО, Чукотский АО.

² См. также экспертные исследования, например: Ежегодные послания глав регионов: в поисках утраченной повестки. *Фонд Петербургская политика*. 2018. <https://fpp.spb.ru/fpp-review-of-messages> (accessed 14.03.2021).

³ Подписан закон о ежегодной отчетности губернаторов перед региональными законодательными собраниями. *Президент России. Официальный сайт*. 29.03.2010. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/7279> (accessed 14.03.2021).

Камчатского края (3181 слов). При этом тексты едины по жанровой структуре, что делает возможным их сопоставление⁴.

Выделенный массив данных посланий анализировался на основе синтеза количественных и качественных методов. Привлекались программы выявления семантического ядра текстов⁵ и программа для проведения количественного и качественного контент-анализа *QDA Miner Lite*. Дискурс-анализ в рамках постмодернистского подхода был обусловлен необходимостью зафиксировать “узловые точки” регионалистского дискурса, которые были формализованы при операционализации. Это подразумевало группировку фрагментов текста, которые кристаллизуются вокруг смысловых категорий. Через программу *QDA Miner Lite* автором распределялись тексты ежегодных выступлений по выделенным категориям, затем анализировались их выраженность и интенсивность. Исследование основано на гипотезе, что регионалисты более озабочены вопросами своего региона, чем нерегионалисты [Fitjar 2005: 69]. Соответственно, в стратегических текстах глав, которых можно отнести к регионалистам, должна фиксироваться общая озабоченность регионом — он должен находиться на переднем фокусе, должна проявляться региональная специфика и фиксироваться идентичность региона.

В целях операционализации регионалистского дискурса были выделены три аспекта, позволяющие фиксировать его проявления в текстах отчетных выступлений глав. Понимание и озвучивание региональных особенностей в дискурсе глав позволяет проследить, насколько значимы представления о разных аспектах, составляющих объективный капитал региональной специфики. Поэтому первый аспект изучения составили *рассуждения глав региона о специфике территории*. Фиксировалось количество упоминаний смысловых единиц (это могло быть одно предложение или абзац текста, который считался отдельной смысловой единицей) по блокам: историко-культурная уникальность, экономическая специфика, политические особенности, природные и географические маркеры особенностей места. При отнесении к историко-культурному дискурсу учитывался контент, связанный с акцентированием исторического наследия, культурных особенностей, достояние территории (“богате́йшая и уникальная история и культура”). Формулы уникальности дополнялись учетом социокультурных характеристик и земляческого дискурса (“наша земля”, “наши ценности”, “менталитет”). Экономическая специфика интерпретировалась через набор амбиций, который главы ассоциировали с регионами: “мощнейший центр”, “регион-лидер”, “территория инноваций”, а также через конкретные характеристики, которыми описывалась уникальность экономики места: “нефтяной”, “индустриальный”, “аграрный” и пр. Политические особенности места касались указаний на характер и специфику политической ситуации в регионе (стабильность/нестабильность, внутренние угрозы и конфликтность). Здесь же учитывалось описание региона по отношению к России в целом (существует ли представление о регионе как об уникальном для страны пространстве или оно мыслится в контексте дискурса высшей государственной власти). Природные и географические маркеры особенностей места проявлялись в характеристике специфики природно-климатических условий (“северный”, “арктический”, “южный”, “морской” и др.)

⁴ Различия в “длине” устраняются взвешиванием соотношений смысловых категорий.

⁵ Сервис Advego. <https://advego.com/text/seo/> (accessed 14.03 2021).

и исключительных памятников природного наследия (“горный”, “край озер”, “пещер”, “природная кладовая” и др.). При сравнительной характеристике данного блока оказывался важным не только факт наличия рассуждений такого рода в посланиях, но и их соотношение (оценка на момент наличия доминирующего маркера в понимании региональной специфики).

Второй аспект анализа касался качественной оценки сюжетов посланий вокруг тематического блока *“культурный регионализм и региональная идентичность”*. Вербализация представлений о регионе как об уникальном для страны пространстве, номинирование регионального сообщества проявлялись в употреблении смысловых клише о региональном характере, региональном духе, специфике “земли”, конкретных брендов региона, имен “культурных героев” и др. В частности, важными для интерпретации внутренних характеристик оказывались: наличие наименования регионального сообщества, или регионализма (глава обращается просто к жителям или к “татарстанцам”, “уральяцам”, “курянам” и др.); рассуждения вокруг понятий, связанных с региональной идентичностью (региональный характер, менталитет, например сибирский, уральский и пр.); апеллирование региональными культурными героями, их цитирование и др. Отдельным срезом анализируемого блока стали представления об идентичности как ресурсе развития места, что проявлялось в фокусировке на региональных брендах и слоганах территории.

Третий аспект измерения регионалистского дискурса касался оценки регионализма в контексте *позиционирования региона во взаимодействии с федеральным центром*. Если первые два блока позволяют фиксировать артикуляцию сюжетов, связанных с регионализмом как региональной идентичностью, то третий сюжет дает возможность оценить субъектность и активность глав в плане деятельности по защите регионального интереса. Индикатором для аналитического моделирования возможных стратегий стало количество упоминаний словоформы “федеральный” и контекстов вокруг него. Было выделено три стратегии, с которыми соотносились контексты упоминания словоформы “федеральный”. Первая модель – патерналистская, при которой регион “ожидает помощи” и “благодарен за нее” федеральному центру (в дискурсе она проявляется через использование словоформ, связанных с получением поддержки от федерального центра и выражением благодарности, например: “благодаря федеральным программам и поддержке президента”, “мы признательны”, “выделена дополнительная субсидия”, “необходима федеральная поддержка” и др.). Указанная стратегия ориентирована на отношения опеки и покровительства, допуск в собственную автономию, нивелирование возможности влияния на процесс принятия решений.

Вторая модель представлена партнерской речевой стратегией. В ее рамках регион в дискурсе главы выступает как равноправный участник взаимодействия с федеральным центром, демонстрируется готовность совместных действий и собственная активность (через формулы “работать вместе”, “совместно с федеральным центром находить пути решения проблем”). В таких суждениях проявляется модальность дискурса, которая, по определению Н.А. Кобриной, является выражением “субъективного начала при выражении объективной реальности” [Кобрина 2006]. Речь здесь идет о преобладании во фрагментах текста логико-синтаксического типа, представленного глагольными формами в формате акциональности (действовании), использовании модального признака (договариваться, взаимодействовать, решать и др.). Региональные лидеры, используя такую риторику, демонстрируют интенцию

к действиям и собственную субъектность (“усилить работу”, “активнее входить в проекты”, “предлагать варианты решения”).

Третья модель – условно нейтральная, не имеет оценочного фона, а связана прежде всего с фактом отчетности по федеральным программам (“в рамках федерального проекта планируется”, “в федеральный проект включен город...” и др.).

ГЛАВЫ РЕГИОНОВ О РЕГИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ: ДИСКУРС ОСОБЕННОСТЕЙ РЕГИОНА

Проведенный анализ по блоку “специфика региона” показал, что акцентирование на региональной специфике используют далеко не все главы регионов. Присутствие в тексте послания более 10 смысловых единиц (максимальное количество – 18 – выявлено в тексте главы Ульяновской области), посвященных рассуждениям о регионе и его особенностях, наблюдается в 14 текстах посланий (см. табл.). Эти тексты наиболее интенсивно выражают дискурс региональной специфики (Ульяновская область, Якутия, Татарстан, Тыва, Ингушетия, Калининградская область, ЯНАО, Свердловская область, Чувашия, Крым, Кабардино-Балкарская Республика, Башкортостан, Бурятия, Тульская область).

Таблица (Table)

Соотношение дискурсов о специфике региона в посланиях глав (для регионов с наиболее интенсивным дискурсом)*

*The ratio of discourses about the specifics of the regions in the epistles of the chapters
(for regions with the most intense discourse)*

	Историко-культурная специфика региона	Экономическая специфика региона	Политическая специфика региона	Географическая специфика региона
Ульяновская область	0,68	0,12	0,08	0,12
Якутия	0,65	0,18	0,06	0,12
Татарстан	0,57	0,21	0,21	0,00
Тыва	0,58	0,25	0,00	0,17
Ингушетия	0,42	0,08	0,42	0,08
Калининградская область	0,40	0,33	0,07	0,20
ЯНАО	0,36	0,27	0,00	0,36
Свердловская область	0,45	0,45	0,09	0,00
Чувашия	0,64	0,27	0,09	0,00
Крым	0,27	0,18	0,45	0,09
Кабардино-Балкария	0,64	0,09	0,18	0,09
Башкортостан	0,60	0,20	0,20	0,00
Бурятия	0,80	0,10	0,00	0,10
Тульская область	0,70	0,30	0,00	0,00

* Рассчитано путем деления общего числа к конкретным блокам специфики (историко-культурный, экономический, политический, природно-географический). Отсортировано по интенсивности наличия в тексте смысловых блоков.

В подавляющем числе случаев осмысление специфики региона в посланиях ведется в плоскости историко-культурных особенностей. Географические и природные маркеры обычно используются в поле демонстрации туристического капитала региона, экономические — для характеристики экономического потенциала, лидерства в различных рейтингах.

В Ульяновской области и Республике Якутия наблюдается наибольшая частота использования отсылок к историческим событиям и социокультурным характеристикам региона. В выступлении губернатора Ульяновской области Сергея Морозова перед депутатами Законодательного собрания Ульяновской области, например, культивируется уникальное культурное богатство региона, его история, в том числе тот факт, что его развитие основано на советском культурном капитале и имени В.И. Ленина, цитирование которого в тексте встречается не один раз: *“Сохранение исторической памяти о прошлом, которое нас объединяет, поддержка традиционных ценностей, национально-культурного своеобразия каждого народа, местных сообществ, инициатив и активностей, способствующих развитию личности и территорий, — все это и дальше будет основными смыслами региональной политики”*⁶.

Послание главы Якутии Айсена Николаева Государственному собранию (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) больше опирается на ценностные отличия региона, в том числе его этническую специфику: *“Это чувство собственного достоинства и ответственности должно и дальше объединять всех якутян, делать наше общество сильнее и успешнее. Это те главные ценности, которые нам всем надо беречь и сохранять!”*⁷

Дискурс политических особенностей наиболее актуализирован в Республиках Крым и Ингушетия. В первом случае речь идет о воспроизводстве темы воссоединения Крыма с Россией (*“Мы строим наш крымский дом на прочном фундаменте мира, свободы и общественного согласия. Россия защитила Крым от войны и большой крови, от дикой украинизации, надежно обеспечила безопасность и права жителей полуострова”*⁸), во втором он выстраивается на образах политической стабильности и мира в регионе (*“стремление к сохранению стабильности и мира в республике в последние годы основывалось на принципах единения общества независимо от национальности, расовой принадлежности и вероисповедания”*, *“республика сегодня — один из самых спокойных регионов”*).

Наибольшая интенсивность экономических характеристик обнаружена в “Отчете главы Свердловской области за 2018 год”, где регион представлен как конкурентоспособная территория с промышленным потенциалом:

⁶ Выступление губернатора Сергея Морозова перед депутатами Законодательного Собрания Ульяновской области. 22.04.2019. *Губернатор и Правительство Ульяновской области*. <https://ulgov.ru/page/index/permlink/id/17933/> (accessed 14.03 2021).

⁷ Послание главы Якутии Айсена Николаева Государственному собранию (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия). 16.12.2019. *Администрация Главы РС (Я) и Правительства РС (Я)*. <https://glava.sakha.gov.ru/ezhegodnye-poslanija-glavy-rsja2019/poslanie-glavy-jakutii-ajsena-nikolaeva-gosudarstvennomu-sobraniju-il-tumen-respubliki-saha-jakutija-ot-16-dekabnja-2019-goda> (accessed 14.03 2021).

⁸ Отчет главы Республики Крым о результатах деятельности Совета министров Республики Крым в 2018 году. 26.02.2019. *Глава Республики Крым Сергей Аксенов. Официальный портал*. <https://glava.rk.gov.ru/ru/structure/469> (accessed 14.03 2021).

⁹ Послание главы Республики Ингушетия Народному Собранию Республики Ингушетия на 2019 год. 19.03.2019. *Республика Ингушетия. Официальный сайт*. https://www.ingushetia.ru/news/poslanie_glavy_respubliki_ingushetiya_narodnomu_sobraniju_respubliki_ingushetiya_na_2019_god/ (accessed 14.03 2021).

*“В базовой отрасли экономики Свердловской области – промышленности – сохраняется рост объемов производства”, “в Свердловской области динамично развивается сотрудничество с иностранными компаниями, прежде всего в форме производственной кооперации и создания совместных предприятий”*¹⁰.

Что касается политико-географических категорий, то осмысление специфики их использования может выстраиваться, например, как в ЯНАО, на тематике Севера и богатстве природных ресурсов: *“География добычи углеводородов на Ямале сегодня расширяется за счет наших северных запасов”, “Наш народ создан, чтобы своим примером показывать, что жить можно и нужно в согласии с природой и друг другом”*¹¹.

ГЛАВЫ РЕГИОНОВ О РЕГИОНАЛЬНОМ САМОСОЗНАНИИ: ДИСКУРС ИДЕНТИЧНОСТИ РЕГИОНА

Использование наименования сообщества является важным показателем, связанным с социокультурными особенностями региона. Оно фиксирует “мы-сообщество”, которое номинируется не просто как “жители региона” или “земляки”, а связывается с территориальной идентификацией. Группа регионов с укорененным в дискурсе именем сообщества представлена следующими регионими: крымчане, якутяне, татарстанцы, красноярцы, белгородцы, куряне, новгородцы, тюменцы, ленинградцы-петербуржцы (Санкт-Петербург), севавтопольцы, югорчане, ямальцы, ленинградцы (Ленинградская область). При этом особо примечательно выстраивание идентичности надэтнического типа в республиках Татарстан и Якутия, где наблюдается воспроизводство гражданской идентичности (*“И я горжусь, что якутяне: саха и русские, представители других народов, которые веками живут вместе на родной земле...”*¹²).

Апеллирование к именам культурных героев региона встречается в 18 посланиях (Г. Аксаков, М. Шаймуратов – Башкортостан; И. Айвазовский – Крым; Г. Тукай, Н. Лемаев, М. Шаймиев – Татарстан; Ахмат-Хаджи Кадыров – Чеченская республика; В. Шукшин, М. Калашников – Алтайский край; В. Астафьев, М. Годенко – Красноярский край; Ф. Абрамов – Архангельская область; И. Кант – Калининградская область; А. Дайнеко, В. Клыков – Курская область; М. Горький – Нижегородская область; Ф. Достоевский – Новгородская область; Ю. Гагарин – Оренбургская область; И. Кикоин – Псковская область; Ю. Гагарин – Саратовская область; И. Клименко – Смоленская область; С. Рахманинов, Д. Гранин – Тамбовская область; В. Ленин, М. Карамзин, И. Гончаров – Ульяновская область; Ф. Волков – Ярославская область). Еще в трех этот инструмент используется в собирательной форме (“первопроходцы”, “первооткрыватели” – в ЯНАО, герои ВОВ – в Волгоградской области и известные тюменцы – в Тюменской области). Героический пласт проявляется в виде воспроизводства как образов знаковых личностей, с которыми

¹⁰ Отчет о результатах деятельности правительства в 2018 году губернатора Свердловской области. 21.05.2019. *Официальный сайт Правительства Свердловской области*. <http://midural.ru/news/list/document148042/> (accessed 14.03 2021).

¹¹ Ежегодный доклад губернатора ЯНАО Дмитрия Артюхова о положении дел и перспективах развития Ямала. 07.02.2020. *Правительство Ямало-Ненецкого автономного округа. Официальный сайт*. <https://www.yanao.ru/presscenter/lectures/462/> (accessed 14.03 2021).

¹² Послание Главы Якутии... Указ. соч.

традиционно ассоциируется территория, так и новых имен в символическом пантеоне. К примеру, в Башкортостане в последние годы культивируют имя генерал-майора М. Шаймуратова.

Такие новации в региональной символике, как употребление брендов регионов и наличие устойчивых слоганов территории, встречались в текстах ограниченно. Можно выделить следующие формулы уникальности места: “Молочная столица России” (Башкортостан), “Ульяновск – Всемирная столица книги”, “Центр сотрудничества на Тихом океане” (Приморский край), “Чувашия – сердце Волги”, “лыжный регион страны” и “место, где рождается воздух” (Коми), курортный регион (Крым), столичный регион (Санкт-Петербург), Русская Балтика (Калининградская область), “Центр буддизма” (Бурятия). Подход к брендированию территории главами регионов видится в поле производственного маркетинга. Поэтому понятие бренда чаще ассоциировано со стратегией *made in* (адыгейский сыр, дагестанская баранина, тувинская баранина, вологодское масло, тульский пряник, “Продукты Приангарья”, “омская продукция”, агропром Чувашии). Ориентация на привлечение туризма связывается с природно-символическим капиталом места: Байкал (Бурятия), Дербент (Дагестан), Архыз (КЧР), карельские петроглифы, Кижы (Карелия), культура (Санкт-Петербург), Олонхо, алмазы, Парк будущих поколений (Якутия), янтарь и музейный квартал (Калининградская область), города – туристические бренды (Московская область), Соль-Илецкие соленые озера (Оренбургская область).

Отдельным блоком можно выделить случай Республики Татарстан, в дискурсе президента которой проблематике брендирования уделяется большое внимание. Республика брендируется как центр мегапроектной деятельности: *“Успешно проведенные крупные международные мероприятия – это уже бренд Татарстана”*¹³. Среди особо значимых событий выделены *WorldSkills* и столетие региона. Идею межэтнического баланса демонстрирует значимость городов-брендов Булгара и Свияжска. Схожие тенденции к мегапроектному брендированию содержатся в тексте главы Свердловской области (опыт заявки на Экспо-2025). В целом можно констатировать, что проявления так называемых новорегионалистских маркеров в виде брендов регионов недостаточно актуализированы в речевой практике.

Отметим особо, что в нескольких текстах посланий региональная идентичность фигурирует как важное для осознания понятие, которое может выступать как нематериальный ресурс и которое можно использовать как источник развития места. Используемые здесь концепты связаны с такими понятиями, как “земля”, “лицо”, “региональный характер”, “культурный код” региона.

В Тюменской области, в частности, определен набор качеств “тюменского характера”, позволяющих региону успешно развиваться: *“Слабаки сходят с дистанции. Сильные ищут и находят второе дыхание. Мы сильны; и мы его найдем, потому что все необходимые для этого ресурсы у нас есть. Первый такой ресурс – стойкость. Я говорю о свойстве тюменского характера, выкованном в героические времена первопроходцев... Второй ресурс – смекалка. Это тоже в нашем характере, в нашей крови – способность находить нетривиальные, дерзкие, новаторские решения, умение сойти с накатанной колеи и решительно*

¹³ Ежегодное послание Президент Республики Государственному Совету Республики Татарстан. 25.09.2019. Президент Республики Татарстан. <https://president.tatarstan.ru/poslanie-prezidenta.htm> (accessed 14.03 2021).

двинуться в неизведанное”¹⁴. В Красноярском крае указывается на “красноярское лицо” бизнеса, позволяющее ему продуктивно прогрессировать.

Наиболее интересный случай — это Ульяновская область, которая продолжает воспроизводить образ региона, неразрывно связанный с именем Владимира Ульянова (Ленина): “Это, без сомнения, один из наиболее великих и известных наших земляков. Его имя дало название городу, а потом и области”¹⁵. Основой разговоров об идентичности региона выступает дискурс о родной земле, который условно можно определить как почвеннический. В Ульяновской области идентичность выражается в традиционалистском ключе, актуализирующем советскую историю региона. Схожие стратегии характерны для Тамбовской области, где поддерживается образ региона-сада: “для нас, потомков замечательных ученых-садоводов, понятия Родина и цветущий сад, что называется, — близнецы-братья, одинаково любимы и дороги! А потому вечной красотой и неповторимостью земли тамбовской были, есть и будут благоухающие сады”¹⁶. Региональный патриотизм определяется как то, что может спланировать и вдохновлять на действия: “Завершая свой отчет, вспоминаю знаменитый роман замечательного нашего соотечественника, фронтовика, всесоюзного по силе таланта писателя Данила Александровича Гранина ‘Иду на грозу’, который для многих и многих стал настольной книгой, подвиг на смелые шаги и решительные поступки. Мы с вами тоже, повинувшись чувству долга, зачастую рискуем, идем на грозу, не зная, что последует за нашими делами, но твердо веря в то, что движет нами только искренняя любовь к родному тамбовскому краю и родному Отечеству и ничто иное...”¹⁷

78 В целом дискурс родной земли и региональной идентичности привязывается к осмыслению специфики региона. Значимость историко-культурного капитала стимулирует в выступлениях рассуждения и о специфике сообщества, его идентичности.

ДИСКУРС ВЗАИМОТНОШЕНИЙ С ФЕДЕРАЛЬНЫМ ЦЕНТРОМ

Характеристика стратегий позиционирования региона во взаимодействии с федеральным центром в рамках подданнической, нейтральной и партнерской моделей показала, что наиболее распространена нейтральная повестка. По большей части она проявляется в отчете за выделенные федеральным центром средства и планах по реализации федеральных проектов.

Партнерский вариант практически никогда не имеет доминирующего веса в общей доле дискурса о взаимоотношениях с федеральным центром (исключения — Республика Адыгея и Пермский край). Так, в речи главы Пермского края М.Г. Решетникова упоминание сюжетов, связанных с отношениями с федеральным уровнем власти, идет под формулой “активной работы”, в которой регион

¹⁴ Послание губернатора Тюменской области А.В. Моора Тюменской областной думе “О положении дел в области” 2019 год. 21.11.2019. *Органы государственной власти Тюменской области*. https://admtymen.ru/ogv_ru/gov/governors/interviews/more.htm?id=11810694@cmsArticle (accessed 14.03 2021).

¹⁵ Выступление губернатора Сергея Морозова перед депутатами... Указ. соч.

¹⁶ Отчет главы администрации Тамбовской области А.В. Никитина “О результатах деятельности администрации области за 2018 год” перед депутатами областной Думы. 11.04.2019. *Администрация Тамбовской области*. <https://www.tambov.gov.ru/head/archive/nikitin/public/otchet-glavy-administracii-tambovskoj-oblasti-a.v.-nikitina-o-rezultatah-deyatelnosti-administracii-oblasti-2018-god-pered-deputatami-oblastnoj-dumy.html> (accessed 14.03 2021).

¹⁷ Там же.

есть актор: “На федеральном уровне идет процесс изменения законов. И мы в этом активно участвуем”; “Активно работаем по федеральным дорогам: добиваемся строительства Пермь — Екатеринбург”¹⁸. В Адыгее речь больше идет о налаженном тесном сотрудничестве с федеральными профильными ведомствами и организациями: “мы обязательно проработаем механизмы нашего взаимодействия с федеральными органами власти для внедрения предложенных инициатив в республике”¹⁹.

Подданническая модель не провоцирует активность, здесь преобладает стремление сверять “‘региональные часы’ с ‘часами всей страны’”²⁰. Федеральный центр оказывает значительную поддержку регионам, а задача региона — реализовать ее в полной мере. Такие послания можно также считать “комплиментарными по отношению к власти”. В той или иной мере элементы такой риторики встречаются во всех посланиях, однако сильнее всего они представлены в выступлениях глав республик Крым и Северная Осетия, а также Калининградской области. В случае с Республикой Крым это проявляется в благодарности за “помощь” региону, воссоединившемуся с Россией: “Мы благодарны председателю Правительства Российской Федерации Дмитрию Анатольевичу Медведеву, руководству федеральных министерств”²¹.

В целом можно обнаружить, что содержательно риторика “центр — регион” смещена в сторону вопросов лоббирования региональных интересов и поиска дополнительных финансовых возможностей, предоставляемых на федеральном уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проделанная работа по анализу регионалистского дискурса в посланиях глав регионов показала перспективность использования индикаторов в изучении региональной идентичности, специфики регионов и взаимоотношения с федеральным центром. При этом наибольшая связь обнаруживается между смысловыми категориями, характеризующими интенсивность дискурса специфики региона и региональной идентичности, что связано с ракурсом “культурного регионализма”. Именно данное направление наиболее представлено в риторике глав, которые затрагивают эту повестку в своих отчетных выступлениях. На основании синтеза двух компонентов может быть обозначена группа регионов с наибольшей рефлексией культурного регионализма на элитарном уровне. Высокая интенсивность дискурса специфичности и значимости представлений об особом сообществе (употребление имени сообщества, бренда, героев, рассуждения о региональной идентичности и менталитете) наблюдаются в текстах глав Тюменской области, Красноярского края, Ульяновской области, Якутии, Татарстана, Крыма, ЯНАО, Свердловской, Калининградской, Курской и Новгородской областей, Башкортостана, Бурятии.

¹⁸ Отчет губернатора о работе Правительства Пермского края за 2018 год. 18.04.2019. — *Сайт губернатора и Правительства Пермского края*. <https://www.permkrai.ru/governor/stenogramm/stenogramma-vystupleniya-gubernatora-na-zasedanii-zakonodatelnogo-sobraniya/> (accessed 14.03 2021).

¹⁹ Отчет Главы Республики Адыгея перед депутатами Государственного Совета — Хасэ Республики Адыгея о результатах деятельности Кабинета Министров Республики Адыгея в 2018 году. 25.02.2019. *Официальный интернет-сайт исполнительных органов государственной власти Республики Адыгея*. <http://www.adygheya.ru/glava/doklad-otchet/> (accessed 14.03 2021).

²⁰ Отчет о результатах деятельности правительства Свердловской области в 2018 г... Указ. соч.

²¹ Отчет главы Республики Крым... Указ. соч.

Регионализм как взаимоотношение с федеральным центром в рамках выделенных моделей не имеет серьезной связки с интенсивностью дискурса специфики и региональной идентичности в посланиях. Партнерская риторика как наиболее близкая к регионалистскому дискурсу не проявилась в текстах посланий в регионах с сильным “культурным регионализмом”. Во всех регионах представлены все три возможные риторики: подданническая, партнерская и нейтральная. Продолжение изучения публичных выступлений глав регионов РФ возможно за счет расширения текстовой выборки кросс-темпоральной перспективой. Как представляется, это позволит выявить устойчивость индикаторов регионалистского дискурса, определенных в данном исследовании, и одновременно оценить зависимость дискурса от внешних факторов, а также уточнить выделенные модели артикуляции “латентного регионализма” в рамках оценки взаимоотношения центра и регионов.

DOI: [10.17976/jpps/2022.02.06](https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.06)

REGIONALISM IN THE “MESSAGES” OF THE HEADS OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: A DISCURSIVE PERSPECTIVE

M.V. Nazukina¹

¹ Perm Federal Research Center, Urals Branch of Russian Academy of Sciences. Perm, Russia

NAZUKINA, Mariya Viktorovna, Cand. Sci. (Polit. Sci.), senior researcher at the Department for the study of political institutions and processes, Perm Federal Research Center, Urals Branch of Russian Academy of Sciences, email: nazukina@mail.ru

Nazukina, M.V. (2022). Regionalism in the “messages” of the heads of subjects of the Russian Federation: a discursive perspective. *Polis. Political Studies*, 2, 68-82. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.06>

Acknowledgements. The article was prepared with financial support provided by the Russian Science Foundation. Research grant No. 19-18-00053 “Subnational Regionalism and Dynamics of Multi-Level Politics (Russian and European Practices)”. The research was conducted at the Perm Federal Research Center, Ural Branch of Russian Academy of Sciences.

Received: 05.04.2021. Accepted: 14.10.2021

Abstract. This article discusses a system of indicators that help to analyze regionalist discourse in the rhetoric of the heads of subjects of the Russian Federation. The first block reflects various aspects that make up the objective capital of regional specifics (historical and cultural uniqueness, economic specifics, political features, natural and geographical markers of place features). The second block is “cultural regionalism and regional identity” (representing the region as a unique space for the country, nominating the regional community, naming specific brands of the region, names of “cultural heroes”, etc.). The third block is the positioning of the region in relation to the federal center. Based on the analysis of 62 texts, it is shown that in the vast majority of cases, the understanding of the specifics of the region in the messages is carried out taking into account historical and cultural features. Geographical and natural markers are usually used with the purpose of demonstrating the tourist capital of the region, economic markers serve to characterize the potential of the territory, and its leadership in various ratings. The concept of identity as a resource for the development of a place is poorly represented in the texts of the chapters. The concepts used here are related to such concepts as “land”, “face”, “regional character”, “cultural code” of the region. Three strategies were identified, according to which the contexts of mentioning the word “federal” were correlated. The first model is paternalistic, in which the region “expects help” and is “grateful for it” to the federal center. The second model is represented by the partner speech strategy. Within the framework of it, in the discourse of the head of state, the region acts as an equal participant in interaction with the federal Center. The third model is conditionally neutral and is related to the reporting data on federal programs. It is found that in the regions where the most intense discussions about the specifics of the territory are presented, the intensity of the discourse of regional identity is frequently higher. In such message texts, regionalism is articulated in the aspect of cultural regionalism. Political regionalism as the relationship between the region and the center is formalized by a neutral agenda.

Keywords: regionalism, regional identity, regional elites, heads of Russian regions, message, discourse analysis.

References

- Fitjar, R.D. (2005). Measuring regionalism: content analysis and the case of Rogaland in Norway. *Regional & Federal Studies*, 15(1), 59-73.
- Giuliano, E. (2006). Secessionism from the bottom up: democratization, nationalism, and local accountability in the Russian transition. *World Politics*, 58(1), 276-310. <https://doi.org/10.1353/wp.2006.0025>
- Goode, P. (2010). The fall and rise of regionalism? *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 26(2), 233-256. <https://doi.org/10.1080/13523271003712583>
- Hoffman, D.R., & Howard, A.D. (2006). Addressing the state of the union: the evolution and impact of the president's big speech. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers.
- Hughes, J. (1994). Regionalism in Russia: the rise and fall of Siberian agreement. *Europe-Asia Studies*, 46(7), 1133-1161.
- Keating, M. (1995). Regions and regionalism in the European community. *International Journal of Public Administration*, 18(10), 1491-1511. <https://doi.org/10.1080/01900699508525063>
- Keating, M. (2016). Contesting European regions. *Regional Studies*, 51(1), 9-18. <https://doi.org/10.1080/00343404.2016.1227777>
- Lawson, S. (2006). Culture and Context in World Politics. Houndmills: Palgrave Macmillan.
- Paasi, A. (2002). Place and region: regional worlds and words. *Progress in Human Geography*, 26(6), 802-811.
- Panov, P., & Ross, C. (2019). Volatility in Electoral Support for United Russia: Cross-Regional Variations in Putin's Electoral Authoritarian Regime. — *Europe-Asia Studies*, 71(2), 268-289. <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1563050>
- Perrin, T. (2012). New regionalism and cultural policies: distinctive and distinguishing strategies, from local to global. *Journal of Contemporary European Studies*, 20(4), 459-475. <https://doi.org/10.1080/14782804.2012.737663>
- Prytherch, D. (2006). Narrating the landscapes of entrepreneurial regionalism: rescaling, 'new' regionalism and the planned remaking of València, Spain. *Space and Polity*, 10(3), 203-227. <https://doi.org/10.1080/13562570601110609>
- Reuter, O.J., & Robertson, G. (2012). Subnational appointments in authoritarian regimes: evidence from Russian gubernatorial appointments. *The Journal of Politics*, 74(4), 1023-1037. [https://doi.org/10.1017/Saikkonen.1.A.-L.\(2016\).Variation](https://doi.org/10.1017/Saikkonen.1.A.-L.(2016).Variation)
- Saikkonen, I.A.-L. (2016). Variation in subnational electoral authoritarianism: evidence from the Russian Federation. *Democratization*, 23(3), 437-458. <https://doi.org/10.1080/13510347.2014.975693>
- Sharafutdinova, G. (2010). Subnational governance in Russia: how Putin changed the contract with his agents and the problems it created for Medvedev. *Publius: The Journal of Federalism*, 40(4), 672-696. <https://doi.org/10.1093/publius/pjp036>
- Sharafutdinova, G., & Turovsky, R. (2017). The politics of federal transfers in Putin's Russia: regional competition, lobbying, and federal priorities. *Post-Soviet Affairs*, 33(2), 161-175. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2016.1163826>
- Shlapentokh, V. (1994). Regionalization in Russia: an uncertain future. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, 7(3), 401-417.
- Söderlund, P. (2006). *The dynamics of federalism in Russia*. Åbo: Åbo Akademi University Press.
- Solnick, S. (1998). Will Russia survive? Center and periphery in the Russian Federation. In *Post-Soviet political order: conflict and state building* (pp. 58-80). London, New York: Routledge.
- Zimmerbauer, K., & Paasi, A. (2013). When old and new regionalism collide. De-institutionalization of regions and resistance identity in municipality amalgamations. *Journal of Rural Studies*, 30, 31-40. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2012.11.004>
- Galaktionova, N.A. (2015). Region in the discourse of the political elite: a study of the messages of the governor of the Tyumen region. In *Mathematical Methods and Models in Management, Economics and Sociology*. Tyumen. P. 84-95. (In Russ.)
- Gabdrakhmanova G.F. (2021). Discursive identity construction in messages to the regional parliament. case of the Republic of Tatarstan. *Polis. Political Studies*, 5, 146-160. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.10>
- Gavrilova, M.V. (2013). Message to the Federal assembly. Encyclopedia of discursology. — *Diskurs Pi*. No. 13. P. 111. (In Russ.)
- Gavrilova, M.V. (2017). Linguistic analyses of Head of State speeches: the theme, direction and methods of research. *Political Science (RU)*, 2, 54-72. (In Russ.)
- Gelman, V. (2019). "Nedostojnoe pravlenie": politika v sovremennoj Rossii [The politics of bad governance in contemporary Russia]. Saint Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)
- Kobrina, O.A. (2006). Categories of modus as ways of reflecting subjective attitude towards the utterance. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 90-100. (In Russ.)
- Kynev, A.V. (2020). Gubernatory v Rossii: mezhdru vyborami i naznachenyami [Governors in Russia: between elections and appointments]. Moscow: Liberal Mission Foundation. (In Russ.)

Magomedov, A.K. (2000). *Misteriya regionalizma. Regional'nye pravayashchie elity i regional'nye ideologii v sovremennoj Rossii: modeli politicheskogo vossozdaniya "snizu"* [The mystery of regionalism. Regional ruling elites and regional ideologies in contemporary Russia: models of political reconstruction "from below"], Moscow: MONF. (In Russ.)

Malinova, O.Y. (2015). *Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaja politika vlastvuiushchei elity i dilemmy rossijskoj identichnosti*. [Actual past: the symbolic politics of the elite and the dilemma of Russian identity]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Nazukina, M.V. (2020). Identity aspects of the regionalist discourse of federal symbolic competitions. *Political Science (RU)*, 4, 200-220. (In Russ.) <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.10>

Panov, P.V. (2020). Many faces of regionalism. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 1, 102-115. (In Russ.) <http://www.doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-102-115>

Sirotkina, E.V., & Karandashova, S.A. (2017). Loyalty of elites and gubernatorial elections: the role of pre-electoral conflicts in the voting outcome. *Polis. Political Studies*, 6, 76-91. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.06>

Turovsky, R.F. (2006). *Centr i regiony: problema politicheskikh odnoshenij* [Center and regions: the problem of political relations]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Turovsky, R.F. (2009). Practices of appointing governors: inertia and radicalism in the politics of the center. *Politiya*, 2, 72-89. (In Russ.)

Vitkovskaja, T., & Nazukina, M. (2021). The trajectory of the development of regionalism in Russia: practices of Sverdlovsk Oblast and the Republic of Tatarstan. *Universe of Russia*, 30(1), 67-87. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-1-67-87>

Vizgalov, D.V. (2011). *Brending goroda* [Branding of the city]. Moscow: Institute of City Economics. (In Russ.)

Литература на русском языке

Визгалов Д.В. 2011. *Брендинг города*. М.: Фонд "Институт экономики города".

Витковская Т.Б., Назукина М.В. 2021. Траектории развития регионализма в России: опыт Свердловской области и Республики Татарстан. *Мир России*. Т. 30. № 1. С. 67-87. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-1-67-87>

Габдрахманова Г.Ф. 2021. Дискурсивное конструирование идентичности в Посланиях региональному парламенту. Кейс Республики Татарстан. *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 146-160. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.10>

Гаврилова М.В. 2013. Послание к Федеральному Собранию. Энциклопедия по дискуртологии. *Дискурс Пи*. № 13. С. 111.

Гаврилова М.В. 2017. Лингвистический анализ выступлений главы государства: тематика, направления и методы исследования. *Политическая наука*. № 2. С. 54-72.

Галактионова Н.А. 2015. Регион в дискурсе политической элиты: исследование посланий губернатора Тюменской области. *Математические методы и модели в управлении, экономике и социологии*. Сборник научных трудов. Тюмень. С. 84-95.

Гельман В.Я. 2019. *"Недостойное правление": политика в современной России*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Кобрин О.А. 2006. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию. *Вопросы когнитивной лингвистики*. № 2. С. 90-100.

Кынев А.В. 2020. *Губернаторы в России: между выборами и назначениями*. М.: Фонд "Либеральная миссия".

Магомедов А.К. 2000 *Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания "снизу"*. М.: МОНФ.

Малинова О. Ю. 2015. *Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности*. М.: Политическая энциклопедия.

Назукина М.В. 2020. Идентитарные аспекты регионалистского дискурса федеральных символических конкурсов. *Политическая наука*. № 4. С. 200-220. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.10>

Панов П.В. 2020. Многоликий регионализм. *Вестник Пермского университета. Политология*. № 1. С. 102-115. <http://www.doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-102-115>

Сироткина Е.В., Карандашова С.А. 2017. Лояльность элит и выборы глав регионов: роль предвыборных конфликтов в исходе голосования. *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 76-91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.06>

Туровский Р.Ф. 2006. *Центр и регионы: проблема политических отношений*. М.: Изд. Дом ГУ-ВШЭ.

Туровский Р.Ф. 2009. Практики назначения губернаторов: инерция и радикализм в политике центра. *Полития*. № 2. С. 72-89.